

ФОРМИРОВАНИЕ И КОРРЕКЦИЯ ОБРАЗА БОГА В СОЗНАНИИ ХРИСТИАНИНА

Священник АНДРЕЙ ЛОРГУС *

Казалось бы, интерпретация переноса и сопротивления, к которой прибегает психотерапевт в процессе своей работы с клиентом, едва ли может критически рассматриваться с точки зрения христианской антропологии и пастырской практики. Это работа психолога, и если он стремится помочь клиенту освободить его религи-озную совесть от душевных наслоений, желая, в конечном счете, оптимизировать и высветлить его отношение к Богу, его усилия можно только приветствовать. Однако теоретические представления Дженис Стренгс о формировании образа Бога интересны не только сами по себе, но и как практические установки, которые реализуются в религиозном опыте человека. Именно проблема образа Бога и его субъективных преломлений требует критически оценить предлагаемые техники интерпретаций. К тому же, смысл интерпретаций немало зависит от разделяемого психотерапевтом христианско-антропологического учения, определяя и выбранное им направление работы, и ее успешность.

Читая статью Дженис, невольно переводил ее в реальность того культурно-исторического контекста, в который погружена и пастырская помощь, и работа христиански-ориентированных психотерапевтов в современной России. И тогда со всей очевидностью возникает понимание, что подход Дженис не может быть принят без дополнительного комментария.

Автор задает закономерный вопрос: надо ли формулировать интерпретации, связанные с образом Бога? Или образ Бога – такая сокровенная неосознаваемая реальность, которая не подлежит сознательной коррекции?

С нашей точки зрения, вопросу об интерпретациях изначально предшествует другой - основной – вопрос: а о каком образе Бога идет речь? Так, в православной антропологии принято говорить об образе Бога, прежде всего, как об онтологической реальности в душе человека, ибо Бог сотворил человека по Своему Образу.. Это не тот образ Божий,

---

который обсуждается в указанной статье, - не психологический, а онтологический: сущность человека несет его в себе, в своих таинственных глубинах.

В этой системе взглядов подлинный образ Бога не познаваем. Ничто не может открыть его нам.. *“Ибо невозможно, чтоб среди твари был найден образ, во всем сходно показывающий в себе самом свойства Святой Троицы. Ибо сотворенное и сложное, и скоротечное, и изменчивое, и описуемое, и имеющее внешний вид (форму), и тленное каким образом ясно покажет свободную от всего этого пресущественную божественную сущность?”*^{**} (Преп. Иоанн Дамаскин). Иными словами, все, что сотворено, в том числе и человеческая душа и разум, не могут вместить образ своего Творца. Творец не познается тварью и не охватывается в мыслимом и познаваемом образе.

В то же время, оставаясь непознаваемым, образ Божий раскрывается как в духовных чертах человека, так и в его психологических свойствах: человек как Бог, духовен, разумен, свободен, одарен творчеством и красотой. *“В человеке ясно познаются признаки образа Божия – не в чертах тленного тела, но в благоразумии духа, в справедливости, умеренности, в мужестве, мудрости, учении и во всей сумме добродетелей, которые Богу присущи субстанционально, а в человеке могут существовать через труд и подражание Богу”* (Ориген).^{***}

Таким образом, хотя христианская антропология, как и вся православная догматика, настаивает на принципе непостижимости Бога в Его подлинном Первообразе, эта непостижимость не уподобляется непроходимой пропасти между человеком и Богом. Бог постижим, но лишь постольку, поскольку Он Сам открывает Себя. Бог *открывает Себя человеку*, так утверждает все христианство, но открывает Себя в той степени, в какой это промыслительно и любовно Ему угодно.

Во-первых, такого рода откровение дается *избранному*, которого Бог Сам избрал и которому Он Себя, Свой образ препоручает, то есть, речь идет о святом, пророке, подвижнике.

Во-вторых, Бог открывает Себя не в полноте Своей Сущности, а лишь через Свои энергии. Человек постигает образ Божий в тех энергиях, в которых открыл Себя Господь. Так Моисею Господь предстает в огненном видении некоторого “последствия” Своего (“задняя моя /по-славянски/ увидишь Меня”). Апостолам и ученикам и жителям Палестины он приоткрывается иначе: они видят Иисуса Христа Воплотившегося. И совсем по-другому – праведникам, которым образ Бога является в состоянии молитвенного созерцания. Итак, образ Бога, который благодатно постигается человеком избранным, – это не *весь Первообраз*

---

* Российский Православный Университет им. Иоанна Богослова

** Точное изложение Православной Веры, с. 93.

*** Цит. по: Антропология святителя Григория Паламы, с. 213.

Самого Бога, но избранный Богом *способ раскрытия* Себя, который угоден Его промыслу и любви.

Третье, что мы должны заметить: образ Божий открывается человеку в сверхсознательных формах, в формах экстаза и исступления, в формах молчания, когда разум и рассудок отступают. Это экстатическое познание, предполагающее не рефлексивную работу, не мыслительную только, а сверхсознательную и мистическую. Таким образом, когда мы говорим о познании человеком образа Божия, то не имеем в виду психологическую реальность и сознательную реальность.

Так обстоит дело в православной антропологии. Теперь обратимся к тому, о каком же образе Божиим можно говорить, имея в виду *религиозный опыт и религиозную практику* человека.

Здесь на первый план выходит тот осознаваемый или пребывающий на бессознательном уровне образ Бога, или Божества, который формируется у человека на основании его религиозного опыта, - опыта церковной практики или самостоятельного прочтения Священного Писания, или собственных размышлений о духовной реальности, даже фантазий. В этом случае мы вступаем в круг совершенно другого понятия. Поэтому, говоря о религиозном образе Бога у человека, будем иметь в виду, прежде всего, этот второй план, связывая образ Бога как богословское понятие с *психологическим* человеческим, по мере необходимости всякий раз это оговаривая.

Нельзя не согласиться с Дженис Стренгс, образ Бога, из которого человек исходит в своей религиозной практике, формируется, действительно, весьма причудливо. Возвращаясь к материалу ее статьи и тому образу Бога, который предстает перед психологом в качестве раскрываемого ему клиентом представления о Всевышнем, мы должны понимать, что этот образ может быть следствием целого ряда факторов.

Прежде чем говорить о том значении, которое здесь, безусловно, имеет характер взаимоотношений человека с родителями в его детские годы, нельзя не упомянуть и роль культурных факторов. Наши представления о Боге в значительной степени определяются характером наших взаимоотношений с высшей реальностью. Когда человек представляет свое взаимодействие с Богом как отношение между рабом и тираном, то для него Бог неизбежно будет выступать как образ строгого, жестокого существа, возможно, и справедливого, но, безусловно, наказующего. Его образ Бога несет в себе черты полуязыческие-полухристианские. Подобные черты характеризуют, например, православные иконы “Спас Ярое око” или греческого “Пантократора” в достаточно жестко выполненных иконописных фресках. Это образ Всемогущего Вседержителя, сурово взирающего на человека, внушая ему мысль о справедливости, суде и угрозе наказания. Существует и обратная закономерность: если у человека формируется образ Бога как Судии, тогда и отношение к Нему будет отношением раба к тирану.

Другая принципиальная возможность – образ Любящего Отца. В этом случае весьма верно наблюдение, которое отмечается многими психологами: отношение к родителям и черты родительского образа человек нередко переносит и на Бога. Действительно, есть глубочайшая онтологическая взаимосвязь между характером отношения человека к Богу и его взаимоотношениями с родителями.

Исходя из собственной пастырской практики, замечу, что люди, у которых в детстве сформировалось устойчивое, позитивное отношение к родителям, имеют более априорно-верное и устойчивое отношение к Богу. Иными словами, положительное отношение к родителям положительным образом формирует и религиозный опыт. И, на мой взгляд, психолог не только должен подразумевать, что подобная связь в принципе существует, но и учитывать ту положительную роль, которую именно позитивное восприятие человеком своих родителей играет по отношению к религиозному опыту, и наоборот.

Особенно важно это понимание применительно к подростковому возрасту. Открытие подростком религиозной реальности, то есть своего личного отношения к Богу, в значительной степени будет подкреплять и положительное отношение к родителям. И, напротив, положительное отношение к родителям непременно будет способствовать формированию у подростка, в период его самоидентификации и самоутверждения, позитивного отношения к Богу.

Существенна деталь, которая осталась не упомянутой в статье Дженис Стренгс: роль матери и отца в формировании образа Божия неодинакова. Первенствующее значение, с моей точки зрения, безусловно, принадлежит образу отца. И едва ли в сознании ребенка в христианской семье черты матери передаются образу Бога. Если это и происходит, хотя на практике подобная вещь встречается редко, то черты образа Бога, попадая в зависимость от материнских черт, в значительной степени искажаются. Именно позитивное отцовство является той верной стезей развития, которая чрезвычайно значима в становлении, как человеческой личности, так и истинной религиозности.

Но, повторяю, это лишь одна сторона дела, и она может перекрываться культурными архетипическими образами. Для многих людей Бог, вне зависимости от того, какими были их отношения с родителями, - прежде всего наказующая сущность, палач, который отправляет человека на адские муки. По справедливости, но отправляет. Гораздо реже встречается другой образ Бога – образ Любящего Отца. Даже не Отца, но Любящего Жениха, что очень близко православному христианскому символизму: Христос есть жених. Христос - царь будущего века.

И перечень факторов, под влиянием которых складывается образ Бога, этим не исчерпывается. Часто, именно критические и катастрофические психологические ситуации формируют представления о

Карающей Деснице строгого тирана, или судии. К сожалению, человек обиденного, не религиозного сознания, достаточно редко прибегает к религиозной практике и вспоминает о Боге лишь тогда, когда происходит какое-нибудь несчастье, как в случае со Светланой, описанном в статье Дженис.

Образ судии и жестокого карателя чрезвычайно устойчив, особенно в менталитете российского верующего. Это свойственно российскому христианскому сознанию, корни которого уходят в традиции семейных преданий и архаичного, патриархального воспитания в условиях той общественной и государственной реальности, в которой складывался характер и личность русского христианина. Именно поэтому в русском христианском сознании наиболее распространен образ Бога-Судии, праведного, справедливого, но все же Судии. Это тем более удивительно, что именно Восточному православию свойственна как раз иная интерпретация образа Бога как Любящего Отца. Именно эта часть христианской религии – религии Любви – преимущественно раскрывается православным вероучением.

В пастырской практике священнику иногда удается повлиять на сформированный образ Бога, в значительной степени реконструировав его в сознании верующего человека в пользу Божией Любви. Раскрыв эту сторону в образе Бога, можно весьма положительно воздействовать на психологический климат в душе человека..

Приведу пример. Женщина средних лет, назовем ее условно Натальей, пережила, хотя еще и не достигшее катастрофы, но достаточно глубокое потрясение: у нее тяжело заболел муж, оказавшись при смерти. До болезни она редко приходила в Церковь, и уж тем более, никогда не обращалась к священнику. Испытав стресс из-за боязни потерять близкого человека и оказаться вдовой, она впервые пришла к священнику и обратилась ко мне с просьбой помолиться о выздоровлении мужа. Мне пришлось объяснить ей, что, хотя Церковь и молится за болящих, молится всем своим духовным Телом, и священнические и литургические молитвы имеют величайшую силу, тем не менее ситуация, в которой она оказалась, должна быть ею осознана в аспектах не только получения желаемого, но и определения отношений с Богом, как ее собственных, так и мужа. Иными словами, я дал ей понять, что она должна молиться не только о выздоровлении мужа, но и о том, чтобы и она, и муж познали Истинного Бога, и нашли свое место перед Его Лицом; чтобы отношения с ним стали для них постоянным, реальным и обязательным фактом их существования.

Но переживаемое женщиной состояние оказалось настолько заблокированным страхом и горем, что она не могла преодолеть его, и почти не слышала того, что говорил ей священник. Всё же, она приходила вновь и вновь и постепенно стала все чаще участвовать в богослужениях. Приходя в храм по вечерам, она нередко попадала на праздничное всенощное бдение; ее

Но переживаемое женщиной состояние оказалось настолько заблокированным страхом и горем, что она не смогла преодолеть его, почти не слышала того, что я ей говорил. Всё же, она приходила вновь и вновь, и постепенно стала все чаще участвовать в богослужениях. Приходя в храм по вечерам, она нередко попадала на праздничные богослужения, отличающиеся торжественностью и красотой; её переживания стали смягчаться и со временем она оказалась способной рефлексивно оценивать свое состояние. Постепенно реальность ее взаимоотношений с Богом стала для нее более значимой, сравнительно даже с их результатом. Она научилась понимать, что богослужение и есть ее общение с Богом, она вдруг увидела, что Бог открывается ей чем-то несравнимо более значимым, чем просто некоторая инстанция, от которой зависит ее судьба. И в зависимости от этого стало меняться ее отношение к Богу: она уже не ждала от Него помощи, исцеления, но стала радоваться Его присутствию. Теперь она приходила в Церковь не только для того, чтобы просить о здравии мужа, но как в место, где возможно общение с Богом, что приносило ей реальную радость, отдохновение и покой. И со временем ее представление о Боге и божестве стало приобретать сущностные черты. Для нее Бог становился Личностью, и, в конце концов, она с радостью, а не с трудом, как это было вначале, стала произносить Имя Божье. Она стала обращаться к Нему как к персоне, носящей то Имя, которое традиционно является Именем Божиим, То есть – “Господи Иисусе Христе, Сыне Божий”.

Этот пример весьма типичен в практике Русской Православной Церкви. Многие люди, пережившие утрату, навсегда пришли в Церковь, начав от достаточно примитивного и искаженного образа Бога, а закончив глубоким осмыслением своего религиозного отношения к Нему.

В практике приходского служения можно выделить несколько ступеней, через которые проходит личное сознание христианина при формировании образа Бога. Первоначальное отношение может быть таким, которое описано выше: Бог – либо Любящий Отец, либо Любящий Жених (что редко), а чаще – Праведный Судья. Однако это первоначальное представление впоследствии может изменяться. Первенствующее значение здесь имеют два богослужебных аспекта. Первый – связан с исповедью. Сама практика исповеди и подготовки к ней подкрепляет складывающийся у человека образ Божий как Праведного Судии. На исповеди человек предстает перед судом не только и не столько своей совести, но и перед лицом Божиим, но это Лицо Божие может представляться по-разному.

Наиболее распространенный – иудео-ветхозаветный образ Божий как праведного судии, который справедлив в своем суде, то есть, карает грешника и награждает праведника. Такое отношение чаще всего встречается среди верующих, которые относительно не глубоко знают православное богословие и православное вероучение. Другой тип

исповедальной практики и образа Бога – это образ Любящего Отца, который, безусловно, все простит вслед за совершением Таинства исповеди. Этот характер взаимоотношений человека с Богом также присущ мало просвещенной публике, но представляющей более светское, секулярное сознание, характерное для нового и новейшего времени.

Еще один тип взаимоотношений человека с Богом основан на достаточно размытом представлении о некоем Божестве. Оно не имеет или почти не имеет какого-то реального личного образа, но, тем не менее, интуитивно угадывается верующим за чинопоследованием Таинства, за персоной священника. Такие люди, как правило, ориентируются, прежде всего, на фигуру священника, его личность, что представляет серьезную трудность в пастырской практике, а также и для самого человека, который столь искаженно воспринимает образ Бога. Это как раз тот случай, о котором писал митрополит Антоний (Сурожский), “когда священник заслоняет собою фигуру Христа”. Разумеется, чаще всего это происходит не по вине священника, а вследствие того неверного, ошибочного образа Бога, который формируется у человека.

В отличие от исповеди, принципиально иначе складывается типология взаимоотношений человека с Богом в литургической практике. В литургии Бог открывается, прежде всего, как Любящий Жених. Вся символика литургического богословия открывает Христа, Стоящего с распростертыми объятиями: *“Приидите ко Мне вси труждающиеся и обремененные, и Аз упокою вы”*, то есть “Я вас приведу в покой, Я вас обрадую”. Символом этого литургического общения является Христос, Призывающий людей, Приглашающий каждого. Практика православного богослужения и Православной Церкви такова, что литургическое общение и приготовление к нему являются самым напряженным периодом молитвенной жизни человека, и потому образ Бога, который формируется в этом литургическом общении – это образ Домовладыки, Гостеприимного Хозяина, приглашающего человека в Свое Царство. Он приглашает его на пир, “пир Веры”, как сказал святитель Иоанн Златоуст. Перед человеком раскрывается совершенно новый образ Божий. Это образ радостной Любви, творческой Любви, образ, который вызывает у человека – не сразу, но постепенно – ответную радость, чувство благодарения, умиления. И этот образ Бога несет в себе гораздо больше мягких, любовных и благожелательных черт, нежели суровых, справедливых и карающих.

Так, кратко, можно представить себе формирование образа Бога у человека в церковной практике.

Что же касается рефлексии, то, по убеждению большого числа верующих, образ Бога не подлежит критическому анализу. Поэтому когда мы говорим об использовании этого образа в психотерапевтической практике, всякому психологу, равно как и священнику, нужно иметь в виду, что для многих людей требуется определенное время, чтобы

осознать, что у него, во-первых, есть определенное отношение к Богу, что, во-вторых, это отношение к Богу поддается коррекции и что, в-третьих, человек способен сам его формировать.

Но мало этого. Главная мысль, на которой следует настаивать, сводится к тому, что образ Божий формируется не только самим человеком, – он формируется Богом. Иначе в учении Православной Церкви не говорилось бы именно о *благодатном* формировании образа Бога. Человек не одинок, когда он выстраивает свое отношение к Богу. *Религиозный опыт – это отношения двоих.* И Бог участвует в том, как строится Его образ в сознании человека, хотя и не может открыть ему в психологическом и ментальном опыте Свой подлинный образ, как не может и навязать человеку мистический опыт, если тот к нему не готов. Но несомненно, что в религиозном опыте человека Сам Бог – помощник.

Как только человек начинает идти по духовному пути, задолго до того, как он приходит в Церковь или помимо Церкви, Бог посещает его и Дух Святой приносит ему, если можно сказать обобщенно, духовный опыт, духовную реальность. Человек познает Бога. Познает помимо своих усилий, *помимо своего сознания и рефлексии.* Нет такого верующего, который совсем бы не ведал опыта познания Бога и к которому Бог не приходил бы и не открывал Себя в той или иной степени. Как и в мистическом сверхсознании, в обыденном сознании Бог открывает Себя по-разному: и Любящим отцом, и праведным Судией и во множестве других образов. И это всегда связано с конкретной реальностью человеческой души. Судья является грешнику, который не привык смотреть на себя критически; Любящий Отец – тому, кто впадает в уныние, отчаяние и кто остро нуждается в божественной любви, в любви к самому себе, утраченной в результате своего грехопадения. Поэтому та реальность, с которой мы сталкиваемся как с явлением божественной благодати, должна быть нами оценена прежде всего в качестве реальности, не только носящей глубоко личный характер, но и сугубо полезной человеку. Это та положительная благодатная роль божественного явления человеку, которая не подлежит сомнению.

Другое дело – и это второй аспект, который необходимо иметь в виду, – как человек может воспринять такое откровение, как он воспринимает явление благодати. Он остается свободным, благодать не делает его рабом, в чем и состоит отличие явления благодати от нашествия злого духа. Итак, Бог посещает человека, но человек может и не открыть Его для себя. Он может отказаться, отмахнуться от такого явления, что весьма часто и происходит. Или быстро забыть то, что пережил. Наконец, он может неправильно интерпретировать это явление, поняв его согласно уровню развития, достигнутому его сознанием, либо своим представлениям о религиозности или другим каким-то ложным представлениям. И последний случай, когда человек адекватно воспринимает явление божественной благодати и максимально полно

использует его в своем религиозном опыте. Это вполне соответствует притче о сеятеле:

(Евангелие от Луки, гл. 8, 5-15) вышел сеятель сеять семя свое, и когда он сеял, иное упало при дороге и было потоптано, и птицы небесные поклевали его; а иное упало на камень и, взойдя, засохло, потому что не имело влаги; а иное упало между тернием, и выросло терние и заглушило его; а иное упало на добрую землю и, взойдя, принесло плод сторичный. Сказав сие, возгласил: кто имеет уши слышать, да слышит! Ученики же Его спросили у Него: что бы значила притча сия? Он сказал: вам дано знать тайны Царствия Божия, а прочим в притчах, так что они видя не видят и слыша не понимают. Вот что значит притча сия: семя есть слово Божие; а упавшее при пути, это суть слушающие, к которым потом приходит диавол и уносит слово из сердца их, чтобы они не уверовали и не спаслись; а упавшее на камень, это те, которые, когда услышат слово, с радостью принимают, но которые не имеют корня, и временем веруют, а во время искушения отпадают; а упавшее в терние, это те, которые слушают слово, но, отходя, заботами, богатством и наслаждениями житейскими подавляются и не приносят плода; а упавшее на добрую землю, это те, которые, услышав слово, хранят его в добром и чистом сердце и приносят плод в терпении. Сказав это, Он возгласил: кто имеет уши слышать, да слышит!

Но в любом случае мы должны учитывать, что образ Бога формируется у человека не только самим человеком, но и Богом.

Все сказанное подводит нас к заключению, что образ Бога воспринимается нами как некоторая *подвижная реальность человеческой души*. Образ Бога меняется в зависимости от духовного опыта человека, от его реальных духовных усилий, то есть от той интенсивности духовной жизни, которую он ведет, от его познания, от его образования – с одной стороны. А с другой, он меняется и вместе с тем реальным опытом *богообщения*, который переживает человек, от активного вмешательства божественной благодати в нашу жизнь. Нельзя представлять образ Бога как нечто статическое. Это живая реальность человеческой души. И даже у неверующего человека эта реальность, хотя и занимает минимальное место в душе, тем не менее, тоже претерпевает изменения.

Возвращаясь к статье Дженис Стренгс, мы должны согласиться, что сформированный в человеке образ Бога нередко претерпевает на себе влияние пережитого этим человеком негативного, критического или даже катастрофического опыта. В подобных случаях психолог, конечно, может помочь, если к нему обращаются с такого рода проблемой. Помочь очистить и скорректировать этот образ, освободив его от влияния переносов, сопротивления и пр. Всякое усилие, направленное к формированию истинного образа Бога в душе человека, безусловно, должно приветствоваться. Другой вопрос, в какой степени применима эта практика в Русском Православии, сравнительно с тем хождением, какое

эта практика имеет в Америке и в Старом свете. Однако это выходит за рамки как статьи Дженис, так и нашего комментария.

Мне трудно судить, как и в каких психотехнических формах вся полнота смысла, связанного с образом Бога в православной антропологии и религиозной практике, может быть реализована в процессе христианской психотерапии.